

ГОРБАЧЕВСКАЯ «ПЕРЕСТРОЙКА»

И СУДЬБА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

(О ПРОБЛЕМАХ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА, ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ И РОЛИ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В ИСТОРИИ)

считал, что он будет реформатором. Горбачев оказался моложе всех, он был вторым человеком в партии, власть, как говорится, уже была в его руках» (Цит. «Наше дело», 1990, с. 1, с. 7). Ответ предельно прост и, так сказать, эскизно, оставая в стороне все политические «интрижки» и «тайны мадридского двора», он выхватывает из сложившейся ситуации главное. Впрочем, он вполне сообразуется и с этими «тайнами», часть из которых мы приоткрыли здесь.

Забегая несколько вперед, отмечу, что в этом интервью, взятом от «опального» Гейдара Алиева, был поднят еще более важный вопрос, сыгравший, на мой взгляд, роковую роль в судьбах Советского Союза, всех наших народов. Известно, что буквально за 2-3 года Горбачев с Е.Лигачевым и А.Яковлевым (которые тогда шли в одной связке) вывели, фактически разогнали из Политбюро ЦК КПСС, то есть реально высшего органа государственной власти, всех мало-мальски авторитетных его членов, заменяя их людьми, которых, скажем прямо, мало кто сейчас помнит, о причинах их вывода из Политбюро, в частности Г.Алиева, было сфабриковано немало сплетен. Отвечая на «каверзный» вопрос Караулова по этому поводу, Г.Алиев, естественно, не стал опускаться до уровня их опровержения, но в свойственном ему восточно-ироническом стиле исчерпывающе ответил вопросом на вопрос: «Если мы были недостойные люди, то почему тот, кого мы избрали, достоин руководить страной?» (там же, с. 11. — Заметим, что разговор идет в 1990 году).

Нельзя в то же время не отметить, что здесь затронута (если заглянуть в существо дела) более важная проблема — и не столько этническая, сколько политическая. А именно — кадровая, а кадры, как справедливо говорил известный советский классик, решают все (особенно в государствах с авторитарными традициями).

Чем была вызвана кадровая чехарда, устроенная Горбачевым? На вопрос, связанный именно с Г.Алиевым, ее суть объяснить можно довольно просто.

Говорят, Горбачев прежде всего стремился освободиться от тех, кто мог стать (или был) его политическим конкурентом в борьбе за пост Генсека. В этой связи называют В.Гришина (бывшего секретаря московского горкома КПСС) или Г.Романова (бывшего секретаря ленинградского обкома партии). Допустим, это так. Но при чем тут Г.Алиев?

Другое дело, что будь Г.Алиев (и другие люди его политического калибра) в Политбюро ЦК КПСС, то, конечно же, не начался бы уже в конце 80-х годов фактический (структурный) развал СССР, а началось оно, как известно, с нагорно-карабахского конфликта (какие бы ни давались оценки его причинам и поводам). Не было бы кровавого ввода войск в январе 1990 года в Баку по приказу Верховного Главнокомандующего ВС Советского Союза, то есть Горбачева, когда он попытался (и не только в Закавказье) с помощью грубой силы вернуть быстро утрачиваемые властные позиции. Не было бы всего того, что произошло в Азербайджане после этого. Да и вообще, учитывая, какой большой был путанник в национальном вопросе, взорвавшимся во многом СССР, Горбачев, ему, как никому другому по этому вопросу, нужны были опытные, авторитетные коллеги-советники. А кто окружал его после «кадровой революции»? В основном политические дипломаты и либулободы.

Но дело, понятно, не только в этом. Есть еще одна очень важная в психологическом плане деталь, связанная, так сказать, с несомненностью такого типа исторических личностей. А в нашем государстве, как, впрочем, и во многих других, не только психология, но порой и физиоло-

станции вопроса о необходимости новой программы».

— Жаль, — заметил Алиев. — Впрочем, и в этой редакции столько новизны, что, как ни называя ваш документ, он может хорошо послужить стране.

Действительно, в первом варианте новой редакции программы КПСС (он существует в архивах) мы, во-первых, ушли не только от утопической (выдвинутой в хрущевский период) задачи развернутого строительства коммунизма, но и отошли от формулы «развития социализма», которая явно преувеличивала наши успехи и тоже была заведомо нереалистической. Вместе с тем были сформулированы и экономические, и идеологически выдержанные реальные задачи: перестройки хозяйственного механизма, подтягивания (не за счет рывков) отдельных отраслей хозяйства, нацеленных на социальные нужды населения, ускорения научно-технического прогресса, наконец, соединения идеи социальной справедливости с экономической эффективностью производства.

Во-вторых, ясно была выражена мысль о четком разграничении партийно-идеологических и экономико-хозяйственных институтов общества и государства. Это было важно не только для того, чтобы внести идиллию, носившуюся, так сказать, в воздухе, об определенном, разумном дистанцировании партии от государства, но и для того, чтобы не валить все наши хозяйственные, социальные и т.п. проблемы, беды и неудачи на КПСС, ее цели и идеалы.

Наконец, было ясно сказано, что в современных условиях, несмотря на имеющиеся успехи в решении национального вопроса, он не снят с повестки дня, что в этой сфере есть свои проблемы и противоречия, и если они своевременно не решаются, то могут обостряться.

Однако куратор нашей группы Горбачев не поддержал главные из этих положений. Вот вам и разница в подходах к стратегическим вопросам развития страны политическими деятелями типа Алиева и типа Горбачева, «умников» и их недоброжелателей.

Еще один штрих во многом, на первый взгляд, личного порядка, связанный с тем, что мне, как и некоторым моим товарищам-коллегами, приходилось заниматься так называемыми спичрайтерскими делами, подготовкой речей, выступлений для людей из высшего эшелона власти. Здесь были свои специфические трудности, приспекающие не только из чисто физиологических проблем некоторых престарелых, больных руководителей («позднего» Брежнева, Черненко, а отчасти, и Андропова). Как ни парадоксально, были не меньшие проблемы у молодых членов ПБ, связанные с плохим знанием... русского языка (а другого — русские по национальности члены Политбюро вообще не знали). Известно, как до сих пор любят известные в стране пародисты потешать публику специфическим «русским» языком Горбачева. В этом смысле все спичрайтеры ЦК КПСС отмечали, что Г.Алиев очень хорошо, лучше всех членов ПБ, говорил по-русски, готовил речи для него в этом смысле было удовольствием. Казалось бы, пустяк? Но мне, как русскому человеку, это было приятно, да и политически — важно.

Впрочем, мы отвлеклись от основной линии нашего исторического повествования. Так или иначе, но именно Горбачев, в известном смысле «баловень судьбы и случая», стал в марте 1985 года при тогда почти что единодушном одобрении «партии и народа» новым руководителем страны вскоре после своего 54-летия.

Народ поначалу доволен был тем, что человек мог хотеть часами бойко без бумажки говорить, был полон грандиозных планов, активно ездил по стране. Но особенно любил брать «за кордоном», на Западе, где его очень любили, па-

истории XX века развалил в конце концов вроде бы несокрушимую державу, выдержавшую в 40-е годы агрессию мирового фашизма, перед которым пали почти что все европейские буржуазные демократии.

Каков же главный и именно объективный результат деятельности М.Горбачева к завершению его политической карьеры, то есть к концу 1991 года? Чтобы ответить на этот непростой вопрос, необходимо, думаю, четко различать два аспекта этого результата: **всемирно-исторический и конкретно-исторический.**

Как это ни парадоксально, но объективный результат деятельности Горбачева и его команды с точки зрения **всемирно-исторической** предельно ясен. К концу 80-х годов, когда четко обозначились центробежные тенденции в развитии СССР, Горбачев гордо и с вызовом сказал, что никогда не будет президентом, участвующим в похоронах своего собственного государства. Политика, сделавшая его крупной исторической фигурой, крепко наказала его за эти самоуверенные слова. Пламенная, но обманувшая его любовь к власти сделала Горбачева не только участником этих похорон, но и **последним президентом СССР, но объективно главным могильщиком Союза Советских Социалистических Республик, второй (после США) супердержавы мира.** Думаю, что в исторической памяти своего народа именно он войдет прежде всего как человек, который в декабре 1991 года, образно, но объективно говоря, спустил с кремлевского флагштока флаг великого государства, а не столько полузабытые уже участники так называемого «беловежского договора», которые, на мой взгляд, лишь юридически закрепили (хотя и весьма неудачно) факт развала Союза ССР. Тем более, как мы еще увидим, **ничего** для дезавуирования Беловежских соглашений Горбачев тогда не сделал, хотя как президент СССР сделать что-то мог, а по еще существовавшей Конституции СССР — и обязан был сделать.

Таков был с **всемирно-исторической** точки зрения главный **объективный** результат всех его противоречивых «реформ». Хотя, повторяю, сам я не сомневаюсь, что в замыслах, субъективных намерениях Горбачева, несмотря на его не до конца выясненную роль в организации в августе 1991 года ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям), развал Союза ССР не был, конечно, сознательно запланирован (чего не могу с уверенностью сказать о таких его главных советниках, «архитекторах» перестройки, как, скажем, А.Яковлев и Э.Шварцвальд, — тем более, что они сами заявляли не раз, что развал Советского Союза входил якобы в их личные планы). А между тем распад СССР не только отбросил далеко назад все бывшие «союзные» республики, привел к сползанию страны из кризиса в пропасть. У выросшей из «перестройки» «новой» России вообще практической не оставалось шансов на успех: к 1992 году был разрушен один из главнейших рычагов преобразований «догоняющей» модернизации — **сильное государство.** А ведь именно этот путь — путь «догоняющей модернизации» избрал в качестве средства вывода России из разряда экономически второстепенных государств нынешний президент России В.Путин, о чем он говорил не раз.

Сложнее ответить на вопрос о **конкретно-исторических** итогах горбачевской перестройки, которая вплоть до конца 1987 года проходила под лозунгом **ленинизма**, с упором на последнее произведение Ленина, идеи НЭПа, совершенствования социализма, придания ему «человеческого лица» и т.п. Итоги эти носят более сложный, противоречивый, неоднозначный характер. Но это, как говорится, уже другая история.

Вадим ПЕЧЕНЕВ.

(Окончание. Начало в № за 24 сентября.)